

ОБ ОСОБОМ УПОТРЕБЛЕНИИ «ДАТЕЛЬНОГО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО» В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ КОНЦА XIV В.*

© 2016

Татьяна Игоревна Афанасьева

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация
t.afanasyeva@spbu.ru

Статья посвящена изучению особого значения тавтосубъектного дательного самостоятельного — значения второстепенного сказуемого, которое фиксируется в переводах русских книжников конца XIV в., прежде всего в канонах, переведенных свт. Феодором Симоновским. Прослеживается формирование этой конструкции в предшествующую эпоху — в старославянском языке и в древнерусском домонгольского периода.

Ключевые слова: древнерусский и старославянский языки, значения дательного самостоятельного, русские переводы с греческого

ON A SPECIAL USAGE OF DATIVE ABSOLUTE IN RUSSIAN TRANSLATIONS OF THE LATE 14TH CENTURY

Tatiana I. Afanasyeva

St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, 199034, Russian Federation
t.afanasyeva@spbu.ru

The article studies a special meaning of tauto-subjective Dative Absolute — the meaning of secondary predicate, found in Russian translations of the 14th century, especially by Theodore Simonovsky. The formation of this structure in the preceding period is investigated: in Old Church Slavonic and Premongolian Russian.

Keywords: meaning of the Dative Absolute, Old Church Slavonic, Old Russian language, Russian translations from Greek

Введение

В гимнографических переводах русского книжника Феодора Симоновского (†1394) встречается немало случаев, когда греческому предикативному причастию соответствует конструкция с дательным самостоятельным. Приведем примеры таких употреблений по рукописям, в которых содержатся два его перевода канонов Иоанна Мавропода — канон к Богородице от лица слепого человека и канон к Иоанну Предтече за больного — по спискам из Государственного исторического музея Син. 468 1457 г., л. 157 об.—165 и из Российской национальной библиотеки Соф. 837 XVI в. л. 359 об.—365. Греческий текст приводится по рукописи XIV в. из собрания Австрийской национальной библиотеки Theol. gr. 78, ff. 189r—192r. и 347v—351v.

- (1) К теѡѣ приходящу ми чѣтаѣ спѣсѣнїа молюсѣ получити — σοὶ προσερχόμενος, ἀγνή, σωτηρίας
δέομαι τυχεῖν;

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, проект №14-04-00150а.

- (2) не терпашоу ми пожара негасимаго ... къ твоemu приѣѣгаю застоуплению — *μη φέρων τὸν ἐμπρησμὸν τὸν ἄσβεστον... ἐπὶ τὴν σὴν καταφεύγω ἀντίληψιν*;
- (3) съ агълы равно агъльскы живушюу ти ... прохлады окроплениемъ твоego чѣлка — *μετὰ τῶν ἀγγέλων ἰσαγγέλως βιώσας ... ἀνάψυξον βανίσι τῆς σῆς φιλανθρωπίας*;
- (4) нъ къ земли ниць съклоненъ . призываюшюу ми твою помощь — *ἀλλ' εἰς γῆν . ἐπικαλοῦμαι κεκυφῶς . τὴν σὴν βοήθειαν*;
- (5) добродѣтели прѣшедшюу ти всакого чѣлка и телеснымъ смѣреніемъ прѣвзшелъ еси — *Ταῖς ἀρεταῖς, ὑπερβαλὼν πάντα ἄνθρωπον καὶ τὸ σῶμα τὸ τῆς ταπεινώσεως ὑπεραναβάς*.

Как видно из приведенных примеров, Феодор Симоновский переводит греческое причастие в именительном падеже с помощью церковнославянского причастия в дательном падеже, подставляя к нему личное местоимение в краткой форме в зависимости от лица сказуемого, стоящего зачастую весьма удаленно от предикативного причастия. В результате получается некий аналог конструкции с дательным самостоятельным. Подчеркнем особенно, что данная конструкция употребляется только при сказуемом в 1 и 2 лице, для третьего лица она не используется. Число таких примеров в двух его переводах канонів Иоанна Мавропода достигает 17: одиннадцать с клитикой 1 лица ми и шесть с клитикой ти. Учитывая, что каноны — это небольшие по объему произведения (восемь песен, из четырех тропарей каждая), то число употреблений данной модели оказывается значительным. Очевидно, что данная техника перевода является для Феодора Симоновского осмысленной и продуктивной.

Задача настоящей статьи — проследить историю этой конструкции в старославянских и древнерусских памятниках и описать ее значение. Нетрудно заметить, что во всех приведенных выше примерах дательный самостоятельный имеет тот же субъект действия, что и в главном предложении. Это весьма редкая разновидность данной конструкции, названная Д. Вортом «non-Greek» Dativus absolutus [Worth 1994: 29—30].

Тавтосубъектный дательный самостоятельный в старославянских памятниках

По подсчетам Яна Станислава, исследовавшего дательный самостоятельный (далее ДС) по всем старославянским памятникам, тавтосубъектный ДС составляет 5,4 % от общего числа употреблений ДС, причем 4,7 % всех употреблений приходится на Супрасльскую рукопись, в евангельских текстах он встречается крайне редко [Stanislav 1934: 103]. Я. Станислав приводит список примеров тавтосубъектного ДС, однако греческие параллели этих конструкций он не указывает. Если мы посмотрим, как сочетается «non-Greek» Dativus absolutus с конструкциями оригинала, используя новое издание Супрасльской рукописи [Супрасльская рукопись 1982—1983] и греческий текст Евангелия, то увидим следующую картину.

С 1 лицом единственного числа имеется только один пример:

- (6) възвративши ми са и идѣши въз манастирь омырькоуѣ на мѣстѣ семь (Супр. 515: 27—29) — *καὶ ἐν τῷ ἐπιστρέφειν με καὶ ἀπέραια τῷ ἀσκητηρίῳ ὁψισειν μοι ἐν τῷ τόπῳ τούτῳ*.

Дательному самостоятельному славянского текста соответствует инфинитивная конструкция со значением времени «ἐν τῷ + Inf.», которая в XIV в. получит строгое оформление через инфинитивную кальку «всегда + Inf.» [Афанасьева 2004: 104].

Со 2 лицом примеров нет, с 3 лицом примеров много, и мы приведем лишь некоторые:

- (7) и приближаѣшюу са емоу къ цркъзѣ тако въз дала единогѣ пѣпришта . възтрасе са (Супр. 221: 24—26) — *ἐγγίζοντος δὲ αὐτοῦ τῇ ἐκκλησίᾳ ἀπὸ σταδίου ενός, φρίκη ἐγένετο ἐπ' αὐτὸν*;
- (8) възѣтъ же ходашюу емоу . и тѣ выниде въз възь етерѣ (Зогр., Лк. 10: 38) — *ἐν δὲ τῷ πορεύεσθαι αὐτοὺς αὐτὸς εἰσῆλθεν εἰς κόμην τινά*;

- (9) ꙗ выстѣ ѿдѣшѣмоу вѣ ѿмѣ . ꙗ тѣ прохощааше между самарѣнѣ (Зогр., Лк. 17: 11) — καὶ ἐγένετο ἐν τῷ πορεύεσθαι εἰς Ἱερουσαλὴμ, καὶ αὐτὸς διήρχετο διὰ μέσον Σαμαρίας.

В примере (7) ДС соответствует конструкции Genitivus absolutus, но в главном предложении употреблено подлежащее фрѣкѣ, отсутствующее в славянском переводе. В данном случае разносубъектный греческий Genitivus absolutus в славянском переводе стал тавтосубъектным ДС. Примеры (8) и (9) взяты из Евангелия, и здесь ДС соотносится с инфинитивной моделью «ἐν τῷ + Inf.», однако в примере (8) перед ДС славянский переводчик употребляет глагол выстѣ, отсутствующий в греческом оригинале.

Другие примеры из перечня Я. Станислава точно передают структуру греческого предложения, например:

- (10) и стѣхощаашемъ имѣ . молаахѣ о сыпсении ихѣ (Супр. 531: 20—21) — καὶ ὑπάρχοντων αὐτῶν εὐχασθαι αὐτὸν παρεκάλουν ὑπὲρ τῆς σωτηρίας αὐτῶν;
- (11) ꙗдначе же ꙗмоу гнѣвомъ доушѣшѣмоу о прѣтрѣпѣнии мѣченика . рече (Супр. 62: 6—8) — ἔτι δὲ αὐτοῦ θυμοῦ πνεύματος ἐπὶ τῇ καρτερίᾳ τοῦ μάρτυρος ἔφη.

Исходя из сравнения примеров старославянского тавтосубъектного ДС с их греческими соответствиями, можно сделать вывод о том, что эта конструкция в большинстве случаев имела соответствие в греческом языке и поэтому называть ее «non-Greek» Dativus absolutus не совсем корректно. По справедливому замечанию Д. Коллинза, греческий оригинал Супрасльской рукописи относится к другому жанру, жанру агиографии, и возраст этого жанра, его язык гораздо моложе языка Евангелия. Переводчик Супрасльской рукописи калькирует конструкции, сложившиеся в греческом языке в более позднее время, и именно поэтому в ней тавтосубъектных ДС гораздо больше, чем в Евангелии. Исследователь выделяет типы подобной конструкции в зависимости от расположения ДС по отношению к финитной клаузе и приходит к выводу, что старославянский тавтосубъектный ДС употреблялся гораздо шире конструкции Genitivus absolutus, он служил моделью для перевода инфинитивов с предлогом, в частности «ἐν τῷ + Inf.» [Collins 2004].

Несколько примеров тавтосубъектного ДС нашлось в Изборнике 1076 г., в «Стословце» Геннадия¹, оригинал которого до сих пор остается неизвестным:

- (12) лежащю ти вѣ тврѣдо покрѣвенѣ хрѣминѣ слышашю же оушима дѣждевное множество . помысли о оубогахѣ;
- (13) сидѣщю ти надѣ многообразнаго трѣпезоу . помани соухѣ хлѣбѣ ѿдоуштааго; сидѣшѣмоу ти вѣ зимюу вѣ теплѣ хрѣминѣ и без боѣзни изнажившѣся вѣздѣхни помысливѣ;
- (14) ѿдоушѣж ти вѣ стѣи храмѣ . помысли еда кого прогнѣвааѣ еси вѣ коемѣ дѣлѣ.

Как видно из приведенных примеров, ДС здесь употребляется исключительно с местоимением 2 лица и связан со сказуемым, стоящим в повелительном наклонении. Перевести данный тип ДС можно как придаточным времени, так и предикативным причастием (деепричастием): в данной позиции они тождественны по значению.

Тавтосубъектный дательный самостоятельный в древнерусских памятниках

В древнерусском литературном языке ДС употреблялся весьма широко, и случаи, когда у дательного самостоятельного и основного предложения один субъект, весьма многочисленны в летописях и оригинальных русских произведениях. По подсчетам

¹ Примеры взяты из древнерусского подкорпуса http://www.ruscorpora.ru/search-old_rus.html [НКРЯ].

Л. В. Перегонцевой-Граве, они составляют 25 % от всех конструкций ДС. Это явление широко распространено в летописях, например: *кнзю Свѣтославу възмужавиу нача вои съвъкоуплати многи и храбры* [ИГРЯ 1978: 419—420]. Распространение тавтосубъектного дательного самостоятельного, по мнению Перегонцевой-Граве, объясняется влиянием конструкций с второстепенным сказуемым типа «Володимеръ всплакавъ и рече» [Перегонцева-Граве 1955: 7]. Следует отметить, что все примеры, приводимые ею, относятся к 3 лицу. Исследование кореферентного (т. е. тавтосубъектного) ДС, проведенное Д. Христовой на материале Киевской и Суздальской летописей по Ипатьевскому списку, также направлено на изучение конструкций с 3 лицом [Christova 2006]. Нас же в данном случае будут интересовать конструкции с употреблением 1 и 2 лица. Они встречаются значительно реже.

В древнерусском переводе Жития Андрея Юродивого находим большое число примеров тавтосубъектного ДС с 1 лицом, и здесь они соответствуют Genitivus absolutus греческого текста²:

- (15) жизнь бѣ оугодноу и житіе мужа добронрава хоташю ми исповѣдати ... молюся вамъ — βίον θεάρεστον καὶ πολιτείαν ἀνδρὸς ἐναρέτου μέλλοντός μου διηγῆσθαι ... παρακαλῶ (2);
- (16) сими же ми наслаждаемъ. трепетомъ и страхомъ дивлахса прѣславному сему видинью — ταύτης ἐνηδόνου μου φρίκης καὶ δέους ἐξεστηκότος τὸ παράδοξον θαῦμα (878);
- (17) въ оужасти бывъшю ми. мнѣх са стоа видиниємъ верхоу тверди небныа — ἐννεοῦ μου γεγονότος οἰόμην ἐστάναι τῇ θεωρίᾳ ἐπάνω τοῦ στερεώματος τοῦ οὐρανοῦ (921);
- (18) дивашю ми са слышахъ глас не вѣдѣ ѿкудѣ — ξενιζομένου μου δὲ ἐνωτιζόμεν φωνῆς, πόθεν οὐκ οἶδα (1731—1732);
- (19) се же мнѣ размышляющю на срѣдци начахъ са колѣбати — ταῦτα λογιζομένου μου καὶ διαvouμένου κλόνος περίεσχε (1304).

В последнем примере переведено только одно причастие вместо двух, но оно также калькирует греческий Genitivus absolutus. Отметим, что в Житии Андрея Юродивого число употреблений тавтосубъектного ДС гораздо больше, чем в других древнерусских переводах.

В древнерусском переводе Александрии также находим подобные конструкции, хотя число их незначительно³:

- (20) хоташю ми видѣти и испикати мѣста та, начахъ поимати свои ми рабы, где хоташю ми восходит к обороту Genitivus absolutus θέλοντός μου (78.11);
- (21) си ми помышляющю, ключи ми са видѣти іастребъ (μου ὑπονοούντος, 12.11).

В последнем примере, однако, тавтосубъектность семантическая, грамматически здесь представлен разносубъектный ДС, поскольку в главном предложении употреблена безличная конструкция.

Таким образом, тавтосубъектный ДС, относящийся к сказуемому в 1 и 2 лице, во всех встретившихся нам случаях калькирует греческий Genitivus absolutus и по значению сближается с предикативным причастием. В приведенных выше примерах нет ни одного, где ДС соответствует причастию в именительном падеже. Видимо, такие случаи не были свойственны русским переводам домонгольского периода⁴. Значит, эту переводческую технику следует связать с концом XIV в., когда формируются новые нормы литературного языка за счет большого числа переводов и редактирования богослужебных книг, осуществлявшихся в это время.

² Примеры приводятся по изданию [Молдован 2000].

³ Примеры цитируются по древнерусскому подкорпусу НКРЯ.

⁴ Благодарю А. А. Пичхадзе за консультацию по данному вопросу.

Тавтосубъектный дательный самостоятельный в переводах XIV в.

В XIV в. осуществляется большое число новых переводов духовной и конфессиональной литературы, а также редактируется по греческим оригиналам весь корпус богослужебных книг. Большинство переводов осуществлялось на Афоне и в столице Второго Болгарского царства Тырново южнославянскими книжниками. Объем русских переводов этого времени незначителен по сравнению с южнославянскими, однако их существование не вызывает сомнения — это переводы ростовского книжника Феодора Симоновского и новгородского инок Илариона, а также перевод Евхология Великой церкви, выполненный книжниками митрополита Киприана [Афанасьева (в печати)].

Южнославянским переводам XIV в. изучаемая конструкция, видимо, была несвойственна, хотя в переводах Тырновской книжной школы употребление ДС увеличивается по сравнению с предшествующим периодом [Иванова-Мирчева, Харалампиев 1999: 268]. Предикативное причастие традиционно передавалось именительным падежом, и при нем не употреблялась краткая форма местоимения в дательном падеже. Так, например, в оригинальных канонах болгарского книжника XIV в. монаха Ефрема⁵, написанных от 1 лица, находим следующие случаи:

- (22) въ лѣности житїе скончавъ приближихъсѧ житїю моего концу;
 (23) колѣнѣ прѣклонивъ вѣсѧнии твоѧ прошѧ помощь прѣстаа дѣво⁶.

В переводах канонов патриарха Филофея, сделанных митрополитом Киприаном, нами не найдено ни одного похожего случая: ДС всегда соответствует родительному самостоятельному греческого текста, а не предикативному причастию в именительном падеже.

Нам представляется, что Феодор Симоновский использует уже сложившуюся в древнерусском литературном языке предшествующего периода модель тавтосубъектного ДС для перевода предикативных причастий в 1 и 2 лице. Ее можно обнаружить в некоторых древнерусских оригинальных произведениях, что свидетельствует об адаптации греческой модели в русском литературном языке домонгольского периода. Например, в Житии Федосия Печерского⁷ находим целый ряд таких употреблений:

- (24) се во испѣрва писавшю ми о житїи и о чудесехъ сѣю Бориса и глѣба поноудихъсѧ и на другое исповѣданїе приити (л. 26а—20);
 (25) се такоже о братїи въспоминающю ми житїе прѣдбожнаго ни соущю же списаюу ни ѿ когоже печально по всѧ дни сѣдержимъсѧ бѣхъ (л. 26б—18);
 (26) хотѧщю же ми исповѣдати начати преже молюсѧ гѣи (л. 27а—1).

Приведенные примеры содержат ДС, однако они не передают временного или причинного значения, свойственного этому обороту. В примере (24) временной оттенок уже заложен в наречии испѣрва, а модель писавшю ми и въспоминающю ми можно передать предикативными причастиями «написав» и «вспоминая»: «написав сначала о жизни и чудесах святых Бориса и Глеба, я потрудился прийти к другому рассказу», «братия, вспоминая житие преподобного, я печалюсь, потому что оно до сих пор не было написано» (25). В случае (26) возможен двоякий перевод: «желая начать рассказ / когда я хочу начать рассказ, я молюсь Господу».

⁵ Обнаружение и введение в научный оборот произведений монаха Ефрема принадлежит Д. Богдановичу [Богдановић 1978: 109—129].

⁶ Примеры цитируются по рукописи из собрания Хиландарского монастыря на Афоне № 342, л. 29об. Работа проводилась по микрофильмам с рукописей Хиландарского собрания в рамках научной стажировки в Hilandar Research Library в университете штата Огайо (США). Я искренне благодарю П. Матеича и М. Джонсон за помощь в работе с этими источниками.

⁷ Примеры приводятся по изданию [Успенский сборник 1971].

На основании приведенных примеров можно предположить, что тавтосубъектный ДС по смыслу очень часто сближался с предикативным причастием, выражающим сопутствующее действие⁸, и эта близость привела к тому, что в церковнославянском языке русского извода выработалась синтаксическая модель «причастие в дат. п. + ми / ти» для выражения второстепенного сказуемого. Эта конструкция имела еще одну особенность — она указывала на то, каким лицом совершается действие, обозначенное предикативным причастием. Чаще всего она используется для указания на 1 лицо, однако есть случаи для указания на 2 лицо (см. примеры из Изборника 1076 г.).

Указывала на лицо краткая форма местоимения *ми, ти*, а не полноударная *мыѣ, тѣѣ*. В большинстве приведенных нами примеров функционирует именно фразовая клитика, т. е. клитика, по смыслу связанная со сказуемым. По положению в предложении она имеет четкую позицию — всегда жестко прикреплена к причастию и чаще всего стоит в постпозиции к нему. Только в одном примере из жития Андрея Юродивого (1304) встретилась форма *мыѣ*, и она стоит в препозиции к причастию. Препозиция местоимения чаще всего связана с позицией в оригинале, в примерах из Жития Андрея Юродивого (356) и из Александрии (12.11) препозиция местоимения имеется и в греческом предложении. Такое поведение клитики, видимо, не было свойственно живому древнерусскому языку, эта модель функционировала только в книжном, церковнославянском языке и имела греческое происхождение.

Указание на лицо представляло большое удобство для русского книжника, потому что именно в русском языке, в отличие от старославянского и южнославянских языков, наличие личного местоимения при глаголе со временем становилось обязательным. В живом древнерусском языке старшего периода местоимение-подлежащее чаще всего не использовалось. Оно было обязательным лишь при наличии эмфазы (подчеркивания), противопоставления, при обращении и при отнесенности к нескольким клаузам [Зализняк 2008: 241—243]. В составе ДС, где имя в дательном падеже было семантическим подлежащим, уже с древности сложилась модель употребления местоимения при причасти. Большинство примеров тавтосубъектного ДС в древнерусских памятниках содержат оба компонента именно в ДС, а в основном предложении подлежащее-местоимение чаще всего опускалось: *намъ же от глада ослабѣвшимъ и не от коею страну помощи чаемъ имѣти* [ИГРЯ 1978: 420]. В. М. Живов отмечал, что употребление местоимений в составе ДС было необходимо именно тогда, когда этот оборот стоял в препозиции к главному предложению: они в данном случае имели анафорическую функцию [Живов 2008]. Среди примеров употребления ДС в переводах Феодора Симоновского есть, однако, такие случаи, когда ДС стоит в постпозиции к главному предложению: *нъ къ земли ниць съклоненъ . призывающу ми твою помощь*. Значит, препозиция к главному предложению не является решающей для использования местоимения в составе ДС.

Особенность исследуемой конструкции, на наш взгляд, нужно искать в том, что она почти без исключений связана со сказуемым в 1 и 2 лице единственного числа. Напомним, что только в двух переводах Феодора Симоновского нам встретилась данная синтаксическая модель — это канон Иоанна Мавропода к Богородице от лица слепого человека и канон к Иоанну Предтече за больного. Оба канона содержат прошения от 1 лица и восхваления Богородицы и Иоанна Предтечи, имеющие при себе глагол во 2 лице. При сказуемом в 3 лице Феодор не использует для перевода ДС, а применяет общецерковнославянскую норму перевода предикативных причастий: *многымъ мразомъ секоущеса . и стрывующеса*, и *движутся ѿ студеныа ноужди зюбы моа* — *σφοδρόν ῥίγει κροτοῦντες καὶ συντεριύοντες καὶ πρὸς αὐτοὺς τῇ τοῦ κρίου βίᾳ οἱ ὀδόντες μου*.

Возможно, при переводе предикативного причастия переводчику нужно было подчеркнуть значение 1 лица, которое в причасти не выделено, а определяется только по сказуемому, зачастую стоящему далеко от причастия. Феодор Симоновский использует уже

⁸ К схожему мнению пришел Э. Корин при анализе Жития Феодосия Печерского в составе Успенского сборника [Corin 1995: 273—280].

устоявшуюся в древнерусском литературном языке модель дательного самостоятельного для того, чтобы подчеркнуть, что именно я (в данном случае больной, слепой) прошу от покровителей защиты и исцеления. Вспомним также, что к XIV в. учащаются случаи, когда личное местоимение ставится при глаголе, и уже личного окончания для указания на лицо становится недостаточно. Так, по наблюдениям А. А. Зализняка над языком новгородских берестяных грамот, в обычном немаркированном случае подлежащее, выраженное личным местоимением, опускается, однако в поздних грамотах отклонение от этого правила встречается все чаще: личное местоимение начинает употребляться значительно шире [Зализняк 2004: 172].

Представляется, что перед нами русская особенность употребления дательного самостоятельного вместо предикативного причастия, и ее в XIV в. использует не только Феодор Симоновский. Так, подобная техника перевода обнаруживается в русском переводе Евхология Великой церкви, выполненном книжниками митрополита Киприана [Афанасьева 2014]. Здесь, в чинах принятия в православие, мы находим следующие примеры такого ДС⁹:

- (27) яко хоташю ми симъ мѣстиса христѣаномъ, яко ревнитель закона... ѿричюса всакоя жидовскиа службы (228об.) — ὡς βουλομένων ἐντεῦθεν ἀμυνᾶσθαι χριστιανούς ὡς ζηλωτῆς διῆθεν τοῦ νόμου ... ἀποτάσσομαι πάσῃ τῇ ἑβραϊκῇ θρησκείᾳ;
- (28) сихъ оубо проклинаящу ми иудѣискиа вса ереси и ересеначалники . и повторителнага и поворники . проклиная съ сими (224об.) — ταῦτας οὖν ἀναθεματίζων τὰς ιουδαϊκὰς πάσας αἱρέσεις · καὶ τοὺς αἱρεσιάρχας · καὶ τὰς δευτερώσεις · καὶ τοὺς δευτερωτάς · ἀναθεματίζω μετὰ τούτων;
- (29) свобоженне възвѣщающую ми ... самъ же яко рабъ грѣху неискусенъ бѹду (149об., греч. нет).

Приведенные примеры вполне соответствуют технике перевода, обнаруженной нами у Феодора Симоновского. Здесь предикативные причастия переведены тавтосубъектным ДС с местоименной клитикой. Не исключено, что Феодор мог быть одним из переводчиков этого памятника, поскольку он был сподвижником митрополита Киприана. Возможно также, что это была уже общепринятая в русской переводческой практике XIV в. особенность, о чем судить пока еще рано: нужно выделить и исследовать весь корпус русских переводов, выполненных в это время.

Итак, тавтосубъектный ДС имел в древнерусском языке более широкое применение, чем в старославянском. Продолжая и во многом развивая особенности употребления ДС в Супрасльской рукописи и Изборнике 1076 г., церковнославянский язык русского извода усвоил эту конструкцию, и она стала употребляться не только в переводных, но и в оригинальных памятниках. В сочетании с агенсом 1 и 2 лица данная модель по семантике сближалась с предикативным причастием и принимала на себя его функции. Наиболее ранние такие примеры обнаруживаются уже в Житии Феодосия Печерского. В конце XIV в. модель «придчастие в дат. п. + ми / ти» начала использоваться при переводе греческого предикативного причастия, относящегося к сказуемому в 1 и 2 лице. Она позволяла в полупредикативной клаузе показать, какое лицо совершает действие. Маркированными оказывались формы 1 и 2 лица, при сказуемом в 3 лице данная конструкция не употреблялась — греческое предикативное причастие передавалось славянским причастием в именительном падеже.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Афанасьева 2004 — Афанасьева Т. И. Славянская литургия Преждеосвященных Даров. Текстология и язык. СПб.: СПбГУ, 2004. [Afanas'eva T. I. *Slavyanskaya liturgiya Prezhdeosvyashchennykh Darov. Tekstologiya i yazyk* [Slavic Liturgy of the Presanctified Gifts. Textology and language]. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ., 2004.]

⁹ Примеры цитируются по рукописи ГИМ, Син. 900 нач. XV в.

- Афанасьева 2014 — Афанасьева Т. И. К вопросу о месте и времени славянского перевода Евхология Великой церкви // Русский язык в научном освещении. 2014. № 27 (1). С. 237—251. [Afanas'eva T. I. About place and time of translation of the Great Church Euchologion. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2014. No. 27 (1). Pp. 237—251.]
- Афанасьева (в печати) — Афанасьева Т. И. Русские переводы конца XIV века // Сборник статей памяти В. М. Живова. М. (в печати). [Afanas'eva T. I. Russian translations of the late XIV century. *Sbornik statey pamyati V. M. Zhivova*. Moscow (in print).]
- Богдановић 1978 — Богдановић Д. Песничка творенија монаха Јефрема // Хиландарски зборник. 1978. № 4. С. 109—130. [Bogdanovich D. Poetic works of monk Efrem. *Khilandarski zbornik*. 1978. No. 4. Pp. 109—130.]
- Живов 2008 — Живов В. М. Референтная структура и порядок слов: Дателъный самостоятелъный в двух древних церковнославянских текстах // Русский язык в научном освещении. 2008. № 15 (1). С. 5—56. [Zhivov V. M. Referential structure and word order. Dative absolute in two Old Church Slavonic texts. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2008. No. 15 (1). Pp. 5—56.]
- Зализняк 2004 — Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskiy dialekt* [Old Novgorod dialect]. Moscow: Yazyki Slavyanskoy Kul'tury, 2004.]
- Зализняк 2008 — Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008. [Zaliznyak A. A. *Drevnerusskie enklitiki* [Old Russian enclitics]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2008.]
- Иванова-Мирчева, Харалампиев 1999 — Иванова-Мирчева Д., Харалампиев И. История на българския език. Велико Търново: Фабер, 1999. [Ivanova-Mircheva D., Kharalampiev I. *Istoriya na bŭlgarskiya ezik* [History of the Bulgarian language]. Veliko Tŕnovo: Faber, 1999.]
- ИГРЯ 1978 — Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение / под ред. Борковского В. И. М.: Наука, 1978. [Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Sintaksis. Prostoie predlozhenie [Historical grammar of the Russian language. Syntax. Simple sentence]. Borkovskiy V. I. (ed.) Moscow, Nauka, 1978.]
- Молдован 2000 — Молдован А. М. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М.: Азбуковник, 2000. [Moldovan A. M. *Zhitie Andreyu Yurodivogo v slavyanskoy pis'menosti* [Life of Andrew the Fool-for-Christ in Slavic literature]. Moscow: Azbukovnik, 2000.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru/> [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian national corpus]. Available at: www.ruscorpora.ru/]
- Перегонцева-Граве 1955 — Перегонцева-Граве Л. В. Дателъный самостоятелъный в русском литературном языке XII—XVII вв. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1955. [Peregontseva-Grave L. V. *Datel'nyy samostoyatel'nyy v russkom literaturnom yazyke XII—XVII vv. Avtoref. kand. diss.* [Dative absolute in the XII—XVII centuries standard Russian. Author's abstract of the cand. diss.]. Leningrad, 1955.]
- Супрасльская рукопись 1982—1983 — Супрасльски или Ретков сборник / Изд. Заимов Й., Капалдо М. Т. I—II. София: Българската академия на науките, 1982—1983. [Suprasŭlski ili Retkov sbornik [Suprasl or Retkov collection]. Zaimov Y., Kapaldo M. (eds.). Vol. I—II. Sofiya: Bulgarian Academy of Sciences, 1982—1983.]
- Успенский сборник 1971 — Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подг. Князевская О. А., Демьянов В. Г., Ляпон М. В. / Под ред. Коткова С. И. М.: Наука, 1971. [Uspenskiy sbornik XII—XIII vv. [Uspenskiy collection of the XII—XIII centuries]. Prepared by Knyazevskaya O. A., Dem'yanov V. G., Lyapon M. V. Kotkov S. I. (ed.). Moscow: Nauka, 1971.]
- Christova 2006 — Christova D. Dative Absolute revisited: Subject coreferentiality in Russian. *Die Welt der Slaven*. 2006. Vol. 51. Pp. 275—290.
- Collins 2004 — Collins D. Distance, subjecthood, and the Early Slavic Dative Absolute. *Scando-Slavica*. 2004. Vol. 50. Pp. 165—181.
- Corin 1995 — Corin A. The Dative Absolute in Old Church Slavonic and East Slavic. *Die Welt der Slaven*. 1995. Vol. 40. Pp. 251—284.
- Stanislav 1934 — Stanislav J. Dativ absolutny v starej cirkvenej slovenčine. *Byzantinoslavica*. 1934. No. 5. Pp. 1—122.
- Worth 1994 — Worth D. The Dativ Absolute in the Primary Chronicle: Some observations. *Harvard Ukrainian studies*. 1994. Vol. 18 (1—2). Pp. 29—49.